

«Правда – хорошо, а счастье лучше»

Борясь за создание полноценного репертуара для: широкого демократического зрителя, А. Н. Островский писал: «Бытовой репертуар, если художествен, т. е. если правдив, – великое дело для новой, восприимчивой публики; он покажет, что есть хорошего, доброго в русском человеке, что он должен в себе беречь и воспитывать, и что есть в нем дикого и грубого, с чем он должен бороться».

Прекрасным образцом именно такого репертуара служили пьесы самого Островского, в том числе и та, что идет сейчас на сцене областного драмтеатра – «Правда – хорошо, а счастье лучше» (постановка В. Бросевича).

Перед нами, с одной стороны, типичные представители «темного царства»: замоскворецкая купчиха Мавра Тарасовна Барабошева, которую, по ее же горделивому самоопределению, «не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно», и ее беспутный сын купец Барабошев, который сам признается, что у него «в уме суждений нет», однако считает себя вправе жестоко издеваться над зависящими от него бедными людьми.

Роль купчихи Барабошевой с обычным мастерством исполняет заслуженная артистка РСФСР А. Садовская, хотя нельзя не заметить, что она дает более дворянский, нежели купеческий вариант данного типа, вызывая в памяти не столько Кабаниху (из «Грозы»), «родной сестрой» которой является Барабошева, сколько Гурмыжскую («Лес») и Мурзавецкую («Волки и овцы»). Очень хорош в роли купца Барабошева артист И. Конке, как точностью сценического рисунка, так и яростью красок.

Купцу Барабошеву всячески «потрафляет», старший приказчик Мухояров (артист В. Федоров), развращенный многолетним подхалимством перед богатыми хозяевами. К этой же группе отрицательных персонажей пьесы примыкает и садовник Меркулыч (артист С. Тэш), который тоже, служа у Барабошевых и им подобных, настолько испорчен морально, что не задумывается возвести напраслину на любого человека, лишь бы выгородить себя со своими плутнями.

Богатым тунеядцам и жестоким угнетателям с их недостойными прислужниками противопоставлены в пьесе положительные образы русских людей и в первую очередь воинствующий правдолюб Платон Зыбкин, молодой конторщик. По замечанию своей недалекой матери (артистка Е. Богданова), он вырос с «повреждением в уме», выражающимся в том, что «всем правду в глаза говорит», но именно поэтому он и является настоящим героем пьесы.

Энтузиаст общественно-полезного труда и враг всяческого «необразования», человек неподкупной честности и высокой принципиальности, Платон Зыбкин признает лишь две категорий людей, не допуская между ними никакой середины: «патриотов своего отечества» и «мерзавцев своей жизни». «Всякий человек, – говорит он, – что большой, что маленький, – это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу, – вот он и патриот своего отечества. А кто проживает только готовое, ума и образования не понимает, действует только по своему невежеству, с обидой и насмешкой над человечеством и только себе на потеху, тот мерзавец своей жизни».

Появление подобного персонажа в пьесе, написанной в 1877 году (т. е. почти через 20 лет после написания «Грозы») было определенным знаменем времени, свидетельством роста трудовой демократии и проникновения ее представителей даже в замкнутую, затхлую среду старого купеческого дома. По своей внутренней сути образ Зыбкина перекликается с образом Жадова («Доходное место») и Мелузова («Таланты и поклонники»), но те – интеллигенты, а Зыбкин – полуинтеллигент, о чем говорит самая речь его с неосвоенной книжной фразеологией. Он весь в росте, в нем еще много наивной восторженности, простоты и непосредственности, чего, как нам кажется, не хватает взявшему на себя эту роль В. Бросевичу, в игре которого проступает подчас известная манерность и даже некоторое самолюбование.

Для эпохи, отображенной в пьесе, знаменателен также образ купеческой дочери Поликсены, смело отстаивающей свободу своего чувства и полубившей не кого-либо другого, а именно правдолюбивого конторщика. Роль эту неплохо

исполняет артистка Е. Террачиано, хотя местами она грешит излишней резкостью движений и интонаций в неуместном здесь «мальчишеском» стиле.

Дружные симпатии зрительного зала по праву выпадают на долю старой няни Филицаты, всю жизнь считавшей себя всего только доброй женщиной и лишь на старости лет обнаружившей, что она к тому же и умна, и также престарелого «ундера» Грознова, этого доброго гения пьесы, определяющего своим вмешательством ее счастливую развязку. Обе эти роли нашли превосходных исполнителей в лице артистов М. Бородиной и И. Воробьева. Если для первой роли купеческой няни – привычное амплуа, то для второго удачное воплощение колоритнейшей роли Грознова следует считать значительным актерским достижением. Артист сумел сочетать в своей игре все характерные черты этого образа: следы былого геройства и умение постоять за себя, бессознательный юмор и наивное лукавство, прирожденный здравый смысл и подлинную человечность.

Досадным минусом в игре П. Воробьева является лишь то, что, изображая старческую шепелявость Грознова, он делает это не без ущерба для полной доходчивости до зрителя интереснейшего текста своей роли. Здесь кстати будет предъявить упрек театру вообще. Известно, какую драгоценность представляет текст Островского во всех его пьесах и во всех его ролях. Недаром Горький назвал Островского «чародеем языка». Это обязывает работников театра относиться к произнесению текста в пьесах Островского с максимальной бережностью и тщательностью. Между тем, в данном, например, спектакле далеко не все исполнители безупречны в этом отношении.

Сюжет пьесы сводится к борьбе двух сторон за счастье юной и социально неравной четы. Дело кончается торжеством молодых людей и тех, кто им помогал, и поражением противной стороны. Оттого, что пьеса кончается капитуляцией Барабошевых, она и названа комедией, хотя в ней, как и в других комедиях Островского, немало драматических моментов. Платон Зыбкин, например, едва избежал «ямы», т. е. долгой тюрьмы, а у Поликсены в самый канун счастливого дня Филицата «изо рту коробку со спичками выдернула».

Да и само благополучие развязки – в условиях изображенной среды и эпохи – отнюдь не было чем-то закономерным, как могло казаться Платону Зыбкину. «Вот она правда-то, бабушка! Она свое возьмет!» – наивно восклицает он, не понимая, что в его время «правда» и «счастье», как правило, были несовместимы, и что победа его была делом случая, счастливого стечения обстоятельств. Именно эта мысль выражена в старой поговорке, послужившей заглавием пьесы.

В условия дореволюционной России при господстве помещиков и капиталистов, протестанты-одиночки были бессильны в своих поисках справедливости, и у того же Островского есть пьесы с аналогичными конфликтами и драматическим исходом. Зато в иных пьесах великий народный драматург, близкий в своем творчестве к фольклорным мотивам, не мог отказать себе и зрителям в счастливых для своих героев концах. Тем самым он выражал вековые народные чаяния и вместе с тем не отступал от жизненной правды, поскольку счастливые развязки в таких пьесах Островского, будучи тесно связаны с характерами персонажей, соответствовали подобным случаям действительности. Так в данной пьесе счастливое стечение обстоятельств мотивировано шутивным «озорством» Грознова, суеверием Барабошевой и находчивостью Филицаты.

Счастливый конец, венчающий пьесу, придает ей светлый, оптимистический, жизнерадостный характер, и в том, что спектакль сохраняет за пьесой именно такое звучание и при всех своих недостатках доставляет зрителю большое эстетическое и этическое удовлетворение, – несомненная заслуга театра.

Успеху спектакля немало содействует внешнее его оформление (художник Д. Фомичев), сделанное с большим художественным вкусом и тактом.

Н. Прянишников